

- (то есть жёны водяных), с другой стороны, *лешихи*: *лешичихи* (то есть жёны леших), наконец, *лоскотухи* (о деталях см.: Путилов Б.Н. Указ. соч. 37–39).
- ¹⁴ По моему мнению, эти названия могут, с одной стороны, указывать на места культа, с другой стороны, свидетельствуют о какой-то магической силе этих мест.
- ¹⁵ Мікратапанімія Беларусі. Матэрыялы / Рэд.: М.Б. Бірыла, Ю.Ф. Мацкевіч. Мінск, 1974, 218–219.
- ¹⁶ Факт появления свечения на глади рек и озёр даёт аргумент сторонникам сближения этих названий с корнем *svět-. Хотя следует подчеркнуть, что также белорусские континуанты с этим корнем характеризуются наличием дополнительной морфемы *-l-*, ср.: *Светиловичи* (*Свяцілавічы*) – запись 1481 г., *Светлица* (*Святліца*), *Светляный* (*Святляны*), *Светлосельский* (*Светласельскі*) (*Жучкевич В.А.* Краткий топонимический словарь Белоруссии. Минск, 1974, 336). Проблема заслуживает основательного исследования.
- ¹⁷ Славянская мифология. Энциклопедический словарь / Отв. ред. С.М. Толстая. М., 2002, 429.
- ¹⁸ Путилов Б.Н. Указ.соч., 47.
- ¹⁹ Славянская мифология ..., 428.
- ²⁰ Там же, 429.
- ²¹ Ср. в связи с этим фразеологизм *bať się czego / kogo, jak diabeł święconej wody*, располагающий соответствиями в других языках, например в словацком *bat' sa niekoho ako čert svätenej vody* (SSJ).

Перевёл с польского А.А. Калашиников

И.П. Петлева

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ ПО СЛАВЯНСКОЙ ЛЕКСИКЕ. XXII

1. В уральских говорах засвидетельствовано прилаг. *черемной*, которое представлено лишь в составе сочетания *черемная кость*, означающего ‘позвоночник’ (Сл. Сред. Урала. Доп. 563). Слово как будто еще не являлось объектом этимологического исследования, хотя может быть достаточно старым образованием (о чем см. ниже) и в таком случае допускает реконструкцию **čerm-ьнѣъ*. Позвоночник – это спинной хребет, образуемый цепью костей (или хрящей), идущий вдоль всей спины и являющийся основой, стержнем костяка. Ср., в частности, болг. *грѣбнак* м.р. ‘позвоночник, спинной хребет’ и ‘основа, остов, стержень чего-л.’ (Чукалов³ 120). Показательно, что позвоночник называют также *позвоночным столбом*, и что можно указать примеры сосуществования значений ‘позвоночник’ и ‘жердь’: см. болг. (Геров) *хрѣбетъ* ‘позвоночный столб у животных’, макед. *рбет* ‘спинной хребет, позвоночник’ (И-С), рус. *хребѣт* ‘позвоночный столб; костяной хребет ...’ (Даль²

IV, 564–565), блр. *хрыбціна* ‘позвоночный столб, хребетная кость’ (Байкоў-Некрашэвіч 336) и рус. диал. *хреbtина* ‘жердь’ и ‘веревка’ (Донск. словарь III, 182) (см. ЭССЯ 8, 107, 108).

Приведенные данные, по-видимому, позволяют предполагать родство рус. диал. *черемной* и словин. *čarměslě*, мн.ч. ‘деревянные коромысла, которые кладут на плечи для переноски вёсел и корзин’ (Sychta I, 149). О.Н. Трубачев со ссылкой на П. Поповскую-Таборскую и Ф. Хинце отметил это словинское слово и реконструировал его как **čьrm-ysly*, мн.ч. (**čьrm-yslъ*, ед.), рассматривая в качестве апофонического варианта к **кьrm-yslъ* и обнаруживающего словообразовательного-морфологического тождество с последним¹. Далее О.Н. Трубачев писал о рус. *коромысло*, *коромысел*, слав. **кьrmyslъ*, что ‘основу слова верно протимологизировал уже Брюкнер, связав её с рус. *корма*, праслав. **кьрма*’².

Причем сущ. **кьрма*, в большинстве славянских языков обозначающее корму, в качестве исходного имело, очевидно, иное значение – ‘(отрезанная) палка, жердь, часть ствола’ (→ ‘весло (рулевое)’ → ‘руль’ → ‘место, где устанавливается рулевое весло; корма’)³: см. болг. диал. *кьрма* ‘рулевое весло’, с.-хорв. *кьрма* ‘кормовое весло’ и др. (ЭССЯ 13, 220), ср. также семантику греческих лексем, которые, согласно разделяемой нами версии (так см., в частности, Фасмер вслед за Перссоном и Голубом), родственны с слав. *кьрма*, – это *κορυός* ‘колода, чурбан, полено’, *κορυός ναυτικός* ‘весло’ (Фасмер II, 329). Аналогичным образом и *коромысло*, по сути дела, – это также палка, жердь, брус, часть ствола, имеющие специальное предназначение: см. рус. олон. *коромысло* ‘п а л к а, которой толкут в ступе бельё’, укр. полесск. *коромысло*, *коромисло* и др. ‘прочная ж е р д ь, укрепленная в передке телеги’ и др.³; см. также примеры сочетания значений ‘жердь, бревно, брус и т.п.’ и ‘коромысло’ в составе одного слова: рус. диал. *хлуд* ‘жердь, дубина’, ‘жердь для увязки сена, соломы’ и ‘рычаг, на коем двое носят ушат на плечах, водонос’, *хлудец* ‘хворостина’ и ‘коромысло для носки вёдер’, нем. *Balken* ‘балка, бревно, брус’ и ‘коромысло’⁴. Итак, очевидно, можно констатировать чередование основ **čьrm-/*čьrm-/*кьrm-*, продолжающих и.е. **ker-/*(s)ker-* ‘резать’ с расширителем *-m-*.

Что касается диал. глагола *зачерёметь* ‘затвердеть’, формально близкого лексеме *черемной* и зафиксированного в том же, что и она, словаре (Сл. Сред. Урала. Доп. 196), но отсутствующего в Этимологическом словаре Фасмера, то выдвинутая в последнее время Л.В. Куркиной версия о его связи с рус. диал. прилаг. *черёмый* ‘смуглый’ и словен. *črt* ‘воспаление, нарыв, карбункул’⁵, т.е. с омонимичной основой **čьrm-*, для которой характерна семантика, связанная с цветообозначением (чеш. *čertný*, *črtný* ‘красный’, рус. диал. *черёмный* ‘рыжий’ и т.п. – см. ЭССЯ 4, 149; 150), не кажется убедитель-

ной, в частности, с семантической точки зрения. Если предполагать, что *зачерѣмь* – исконное, славянское образование, то наиболее близкими ему по значению были бы лексемы с основой **krem-*, в конечном счете также восходящие к и.-е. **(s)ker-* (с расширителем *-m-*): это блр. диал. *закрамянець* ‘затвердеть’ (Сцяшковіч. Слоўн. 152), рус. *крѣмель* ‘т в е р д ы й, трудный для обработки участок ствола дерева (обычно у корня)’, ‘крупнослойная т в е р д а я древесина’ и др. (ЭССЯ 12, 118). Однако глагол *зачерѣмь* может быть не исконным, а заимствованным (с переоформлением): см. *чарьым* м.р. перм. сиб. ‘легкий наст или обледенелая кора по снегу ...’ (Даль² IV, 583), *чарьым* (*чарым*, *чѣрим*, *черым*) ‘т в е р д а я корка на снегу, наст; сугроб’ (Сл. Сред. Урала VII, 17; 25; 28) и особенно *зачарьимь* ‘покрыться настом, з а т в е р д е т ь’ (Там же I, 190). Существенно, что глагол *зачерѣмь* также употребляется по отношению именно к затвердевшей земле или сугробам: см. *Втупор земля сильно зачерѣмела. Сугробы зачерѣмили от мороза* (Там же, Доп., 196). Фасмер считает *чарым* вероятным заимствованием из коми *t’sarem* (Фасмер IV, 317–318).

Итак, отметим, что к основам **čьrm-/čerm-* (и.-е. **ker-m-*, далее – **(s)ker-m-* ‘резать’), к которым обычно относили **čьrmysly* (словин. *čarměslě*) и (неуверенно) **čermъ* (рус.-ц.-слав. *чръмъ* ‘ша-тер’), по-видимому, можно присоединить и приведенное выше рус. диал. прилаг. *черемной*⁶.

2. В Загребском словаре зафиксирован глагол *obusatiti* ‘обрасти волосами (о животе) (про человека)’: Kad oprsati i obusati, ko će je zauzdati! Zore pačetk. 110, без указания места (RJA VIII, 487 с комментарием: “Postańe tamno” (= “Происхождение неясно”). Представляется очевидным, что данный глагол связан с сущ. *ус* (праслав. **qъsъ*). Но так как с.-хорв. *ус* и его возможные производные в этимологических (Skok, Фасмер и др.), диалектных и других словарях отсутствуют, то данный глагол (в случае его исконного, не заимствованного) характера может служить уникальным, если не единственным, свидетельством былого существования в сербохорватском лексемы *ус* (праслав. **qъsъ*), тогда как в настоящее время значение ‘ус’ здесь реализуется через слово *br̃k*. С формальной точки зрения, глагол *obusatiti*, безусловно, является образованным префиксально-суффиксальным способом (*ob-*, *-iti*) от прилаг. **usat* (**qъsъ*) или префиксальным способом (*ob-*) от предполагаемого глагола **usatiti* (**qъsъiti*).

Не должен вызывать удивления тот факт, что с.-хорв. *obusatiti* свидетельствует о том, что слово *us(y)* в данном случае значило не ‘ус(ы)’, а ‘волос(ы)’, т.к. продолжения праслав. лексемы **qъsъ* в разных славянских языках демонстрируют достаточно широкий семантический спектр: кроме ‘ус(ы)’, также ‘борода’ (др.-рус., полаб.),

‘растительность на лице: усы, борода, бакенбарды и т.п.; ость’ (чеш.), ‘у животных щетинистый, одиночный волос на верхней губе; усы растений’, сиб. ‘ость, шерсть’, псков. ‘коса или мыс’ (рус., согласно Далю) и др. Подобная же семантическая ситуация наблюдается и у родственных лексеме **qsъ* слов в других и.-е. языках: см. др.-прус. *wanso* ‘первая растительность на лице’, др.-ирл. *fés* ‘борода’, *find* ‘волос’, греч. *ῥονθος* ‘юношеская борода’, др.-в.-нем. *wintbrâwa* ‘ресница’ (Фасмер IV, 170). Поэтому, вероятно, наиболее общее значение лексемы **qsъ* ‘волос’, нашедшее отражение в с.-хорв. глаголе *obusatiti*, старше более узкого и специального ‘ус(ы)’.

3. В Иркутском словаре представлено любопытное прилагательное *полоусый* в составе сочетания *полоусый сарай* ‘сарай без дверей’: *У нас были сараи палаусы, шийс двѣри зделали* (Иркут. словарь II, 160). Оно отсутствует в этимологических словарях и, кажется, вообще еще не привлекало к себе внимания этимологов. *Полоусый*, несомненно, – сложное слово. Его первая часть ясна – она восходит к прилаг. *пол-ый*, известному в русском языке со значениями ‘не(за)покрытый, растворенный настежь, распахнутый, разверстый’ и ‘пустой...’ (Даль² III, 266–267). Что касается второй – *-усый*, то она требует специального рассмотрения. С формальной точки зрения, естественно сопоставить её с *ус* (→ *-усый*: ср. распространенные сложения с *-усый*: *длинноусый*, *черноусый* и т.п.). Однако в нашем случае *-усый*, производно от *ус*, которое безусловно имеет какое-то иное значение, нежели ‘ус’ и указанные выше (в разделе 2) ‘шерсть’, ‘борода’, ‘ость’, ‘усы растений’, ‘у животных щетинистый одиночный волос на верхней губе’; см. также ‘тонкие нити, волокна’ (см. *у́сья* – Перм. словарь 8, 483), ‘морская трава’, ‘жало’ (см. *усы* – Словарь Карелии 6, 647).

Очевидно, к объекту нашего исследования семантически ближе примеры с переносными значениями, базирующимися на признаках ‘продолговатый, длинный’ и ‘узкий, тонкий’, см.: *усы* ‘боковые стороны гряды’ (Ярослав. словарь (У – Ящорка) 21), *ус* ‘черта, метка на земле’, ‘надрез на дереве’ (Новг. словарь 11, 97), *ус* ‘продольный широкий желоб в коре дерева или для стока смолы’, ‘лесная дорога’ (: “... там машины мало ходят”) (Приамур. словарь 311), срезать доску *на-ус* ‘накось, вполпряма угла’ (Даль² IV, 306). Среди такого рода случаев удастся обнаружить единичную фиксацию словосочетания с лексемой *ус*, отсутствующего в словаре Даля и в других диалектных словарях, которое позволяет выяснить значение *-усый* в прилаг. *полоусый* (о сарае без дверей), – это *запилить (поставить) в ус* ‘сделать дверь с наличниками с двух сторон’ (Новг. словарь 11, 97), т.е. *-усый* связано здесь с *ус* в значении ‘наличник’. Так как *наличник* определяется как ‘накладная планка в виде рамы вокруг двери или окна’ (Ушаков II, 378), то *полоусый сарай* – это собственно

сарай с пустыми дверными наличниками – рамами, т.е. с пустыми дверными проемами.

Привлекает к себе внимание формально и семантически чрезвычайно близкое к *полоу́сый* слово *полоу́с*, представленное в выражении *полоу́сом стоять* ‘стоять незакрытым, без покрышки’: *Полоусом крынка-то стояла* (Сл. Сред. Урала IV, 84). Они отличаются принадлежностью к разным частям речи (*полоу́сый* – прилаг., *полоу́сом* – сущ. (*полоу́с*) в тв.п. или наречие, образованное от него) и оттенками значений (‘с п у с т о й дверной рамой’ – ‘с н е з а к р ы т ы м горлом (о крынке)’). Однако следует учесть ряд фактов, свидетельствующих, по-видимому, против их родства. Это существование таких семантически близких к *полоус(ом)*, но восходящих к *устье* ‘жерло’ примеров, как *полоу́стый* ‘о глиняной посуде, имеющей широкое о т к р ы т о е горло, у с т ь е’ и *полоу́стик* ‘глиняная корчага с широким горлом’ (Новосиб. словарь 414), причем и *полоу́стый*, и *полоу́с (полоусом стоять)* употребляются по отношению к крынке, глиняной посуде. Кроме того, сближение и смешение слов с корнями *ус* и *устье* могло произойти в связи с известным явлением – возможным отпадением *t* в конце слова (**полоуст* → → *полоус*), а также в определенных звуковых сочетаниях внутри слов: см. *у́стье (устьё)* ‘верхняя часть мешка’ (Новг. словарь 11, 100) и *у́сье* ‘конец мешка, остающийся при завязывании’ (Сл. Сред. Урала. Доп. 544). Всё это свидетельствует в пользу первоначальной связи лексемы *полоу́с(ом)* (в выражении *полоу́сом стоять*, о крынке) с *полоу́стый*, *полоу́стик* (и далее – с *устье*), а не с *полоу́сый* (и далее – с *ус*).

Примечания

- ¹ Трубачев О.Н. Наблюдения по этимологии лексических локализмов (славянские этимологии 48–52). // Этимология 1972. М., 1974, 35–44.
- ² Там же, 40; *Brückner* 257.
- ³ Трубачев О.Н. Указ. соч., 35–36.
- ⁴ Петлева И.П. Этимологические заметки по славянской лексике. IV. (и.-е. *(s)kert- в славянских языках: *(s)kormъ/a, *kroma, *kъrmъ/a, *kъrma, *xromъ, русск. диал. *кромы*, *коромышка*) // Этимология 1974. М., 1976, 29.
- ⁵ Куркина Л.В. Лексические архаизмы русских говоров Среднего Урала на славянском фоне // Известия УрГУ. К 75-летию А.К. Матвеева. Екатеринбург, 2001 г., 101.
- ⁶ Петлева И.П. Указ. соч., 21.